ХОЛЛОУ-КРИК

КНИГА ТРЕТЬЯ

За счёт заведения

Весь город ест одно и то же мясо

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

18+

Lim Limonka

За счет заведения

«Автор»
2026

Limonka L.

За счет заведения / L. Limonka — «Автор», 2026

Томми Хэтч двадцать пять лет режет мясо в лавке мистера Кесслера. Он медленный, послушный и никогда не задаёт вопросов — за это его и любят.Но в морозилке висит туша с биркой «Особ. Не трогать». Лавка продаёт втрое больше мяса, чем закупает. А голос в голове Томми всё чаще приказывает его рукам.Каждый год на ярмарке Кесслер бесплатно раздаёт городу восемьсот сорок колбасок. И весь Холлоу-Крик их ест.Томми никогда не спрашивал, откуда берётся мясо. Лучше бы и не начинал.

© Limonka L., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Колбаски 5
Глава 2. Голос 8
Глава 3. Камера 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Lim Limonka
За счет заведения

Глава 1. Колбаски

Меня зовут Томми Хэтч. Мне сорок один год. Я режу мясо.

Я говорю это сразу, потому что люди обычно спрашивают: «Томми, а ты чем занимаешься?» — и я всегда отвечаю: «Режу мясо». И они смеются, потому что знают. В Холлоу-Крике все знают, чем я занимаюсь. Я двадцать пять лет стою за прилавком у мистера Кесслера, в белом фартуке и белой шапочке, и каждый, кто покупал у нас отбивные, видел мои руки. У меня большие руки. Мистер Кесслер говорит, что такими руками можно быка задушить. Я никогда не душил быка. Я вообще не люблю, когда больно. Даже мясу.

Это глупо, я знаю. Мистер Кесслер тоже говорит, что глупо.

— Оно ж мёртвое, Томми, — говорит он. — Мёртвому не больно. Мёртвому похер.

Но я всё равно режу аккуратно. Вдоль волокон. Одним движением. Чтобы не рвать.

* * *

В субботу была рождественская ярмарка.

Её всегда делают на площади перед мэрией, в первую субботу декабря. Ставят палатки, вешают гирлянды на старый клён, который никто уже лет сто не решается спилить. Пекарня «Утренняя звезда» продаёт имбирные пряники. Церковь продаёт пироги. Раньше пироги пекла миссис Холлоуэй, яблочные с корицей, но миссис Холлоуэй в этом году не было. Все знают почему. Все старались не смотреть на тот столик, где она стояла каждый год. Его поставили всё равно. Пустой.

А мы с мистером Кесслером раздаём колбаски.

Не продаём. Раздаём. Бесплатно. Тридцать один год подряд, как мистер Кесслер открыл лавку. Это его подарок городу. На палатке висит вывеска, которую я сам рисовал белой краской по доске: «КОЛБАСКИ КЕССЛЕРА — ЗА СЧЁТ ЗАВЕДЕНИЯ!» И ещё нарисован поросёнок в колпаке Санты. Поросёнок вышел кривой, но мистер Кесслер сказал, что так даже лучше. Душевнее.

Очередь стоит с утра. Всегда. Даже когда снег, даже когда минус двадцать. В Холлоу-Крике нет человека, который не ел колбаски Кесслера на ярмарке. Дети, старики, полицейские, священник, мэр. Учителя из начальной школы. Мистер Пелл из аптеки — он никогда не стоит в очереди, он всегда приходит последним, когда уже темно, и мистер Кесслер оставляет ему одну колбаску в фольге. Отдельно.

Я стою у гриля. Переворачиваю. Колбаски шипят, лопаются, брызгают жиром, и запах идёт на всю площадь — дымный, пряный, с чесноком и тмином и ещё чем-то, чего я не знаю. Рецепт знает только мистер Кесслер. Фарш он всегда делает сам, ночью, в подвале, за день до ярмарки. Меня он туда не пускает.

— Секрет фирмы, малой, — говорит он и подмигивает. — Помру — тебе оставлю. В завещании.

Мистер Кесслер стоит рядом со мной и раздаёт. Он огромный, больше меня, хотя ему уже за пятьдесят. Красное лицо, рыжие брови, руки как окорока. Он знает всех по именам. Он шутит с каждым. Он смеётся так громко, что вороны взлетают с клёна.

— Миссис Паттерсон, ёб вашу мать, вы что, опять помолодели? Держите две, за красоту!

— Отец Мэлони! А вам три, вам ещё грехи наши отмаливать, это ж работа тяжёлая!

— Барбара! Ты чего такая грустная, золотце? На, возьми, и девчонке своей возьми.

Это была миссис Уилкс, учительница. С ней была маленькая рыжая девочка лет восьми, очень бледная, с тёмными кругами под глазами. Я её знал. Это дочка миссис Донован, которая умерла в прошлом месяце. Весь город знал. Девочка теперь жила у миссис Уилкс.

Девочка взяла колбаску. Левой рукой. Посмотрела на неё. Потом посмотрела на мистера Кесслера, очень долго, не моргая. Мистер Кесслер перестал улыбаться.

— Чего смотришь, рыжая? — сказал он. Не громко. Совсем тихо, не так, как говорил со всеми.

— Вы большой, — сказала девочка. — Сэнди говорит, вы самый большой.

Миссис Уилкс быстро взяла её за руку и увела. Девочка шла и оглядывалась. А мистер Кесслер смотрел ей вслед, и рот у него был закрыт, а челюсть двигалась, как будто он что-то жевал.

Потом он повернулся ко мне и снова засмеялся.

— Чего встал, Томми? Горит же! Переворачивай, бля, переворачивай!

Я перевернул. Одна колбаска лопнула, и внутри было розовое, сочное. Я посмотрел на неё и почему-то не смог отвести глаза. Мне стало жарко. Во рту стало мокро.

Я не ем колбаски мистера Кесслера. Никогда не ел. Мне просто никогда не хотелось. Мистер Кесслер не обижается. Он говорит: «Ну и правильно, малой. Сапожник без сапог».

А сейчас мне хотелось.

Я отложил щипцы и вытер руки о фартук.

* * *

К вечеру мы раздали восемьсот сорок колбасок. Я считал. Я всегда считаю, мне так спокойнее.

Восемьсот сорок. В Холлоу-Крике живёт чуть больше четырёх тысяч человек. Значит, почти каждый пятый. Мистер Кесслер сказал, что в прошлом году было восемьсот десять. Что город растёт. Он сказал это так довольно, как говорят фермеры, когда видят, что телята набрали вес.

Мистер Пелл пришёл в половине седьмого. Высокий, сутулый, в длинном чёрном пальто. Мистер Кесслер отдал ему колбаску в фольге. Они ничего не сказали друг другу. Совсем ничего. Только мистер Пелл кивнул, а мистер Кесслер кивнул в ответ. Так кивают люди, которые давно всё друг про друга знают и им больше не о чем говорить.

А потом мистер Пелл посмотрел на меня. Своими светлыми, почти прозрачными глазами.

— Добрый вечер, Томас, — сказал он. — Вы хорошо выглядите. Сыто.

Я не знал, что ответить. Я сказал: «Спасибо».

* * *

Мы закрыли лавку в девять. Мистер Кесслер ушёл домой — у него дом на Ривер-роуд, большой, с верандой. А я живу над лавкой, в комнате на втором этаже. Мистер Кесслер пустил меня туда, когда мне было шестнадцать и мне некуда было идти. С тех пор я там и живу. Мне нравится. Там тепло от печи, и пахнет мясом и опилками, и по утрам слышно, как внизу мистер Кесслер точит ножи.

Я лёг рано. Устал.

А в два часа ночи я проснулся от стука.

Звук шёл снизу. Глухой, тяжёлый, ритмичный. Тук. Тук. Тук. Пауза. Тук. Тук. Тук. Как будто кто-то бьёт кулаком в толстую дверь.

Я лежал и слушал. Сердце колотилось. Тук. Тук. Тук.

Я знал, откуда этот звук. Я двадцать пять лет живу над этой лавкой и знаю каждый её звук. Так звучит дверь морозильной камеры. Большая, стальная, с резиновым уплотнителем и рычагом-засовом. Она закрывается только снаружи. Изнутри её не открыть. Мистер Кесслер всегда говорит: «Не дай бог там запереться, малой. До утра превратишься в эскимо».

Тук. Тук. Тук.

Кто-то стучал в дверь морозилки. Изнутри.

Я встал, надел штаны и спустился. Ступеньки скрипели. Внизу было темно, только красные огоньки на холодильных витринах. Я включил свет. Лавка была пустая и чистая, как я её оставил. Колоды вымыты. Ножи на магнитной планке. Опилки на полу.

Стук прекратился.

Я подошёл к морозильной камере. Положил ладонь на дверь. Она была ледяная, и под рукой ничего не шевелилось. Я постоял. Потом отодвинул засов и открыл.

Из камеры ударил белый морозный пар. Внутри горела лампа в сетке. Туши висели рядами на крюках: говядина, свинина, две бараньи — к Рождеству. Всё как всегда. Неподвижно. Тихо.

Никого.

Я закрыл дверь. Задвинул засов. Пошёл наверх.

И уже на лестнице, на третьей ступеньке, услышал снова. Очень тихо. Не стук.

Голос. Шёпот. Из-за стальной двери, из холода, из темноты между тушами.

«Томми».

Я не обернулся. Я поднялся к себе, лёг и накрылся одеялом с головой, как в детстве, в приёмной семье, когда дядя Рэй приходил домой пьяный.

И лежал так до утра. И всё это время у меня во рту было мокро, а в животе ворочалось что-то голодное.

Восемьсот сорок, думал я. Восемьсот сорок колбасок.

Глава 2. Голос

Я всегда слышал его. Только не знал, что это голос.

Я думал, это я сам думаю. Такие короткие мысли, как будто кто-то записал их на бумажках и приклеил в моей голове на стенку. «Отнеси». «Почисти». «Забудь». У всех такие есть, думал я. Вот человек идёт по улице и думает «купить молока». И идёт покупает молока. И не спрашивает себя, откуда она взялась, эта мысль.

У меня мысли всегда были медленные. Дважды оставался на второй год в школе. А эти — быстрые. Чёткие. И приходили всегда ночью.

* * *

Во вторник после ярмарки я проснулся не в своей кровати.

Я сидел за рулём нашего фургона. Белый «Форд» с надписью на боку «МЯСНАЯ ЛАВКА КЕССЛЕРА. СВЕЖЕЕ — ТОЛЬКО У НАС». На нём мы возим туши с фермы Лэнгстонов. Мотор был заглушен. Фары не горели. За лобовым стеклом был лес — чёрный, густой, и между елями висел туман. Я узнал дорогу. Старая лесовозная, за закрытой лесопилкой. Мили три от города. Туда никто не ездит уже лет двадцать, только охотники осенью.

Часы на приборной панели показывали 4:47.

Руки у меня лежали на руле. Они были в земле. Тёмной, жирной, лесной земле, до самых локтей. И замёрзшие так, что пальцы не разгибались. На мне была моя рабочая куртка, надетая прямо на футболку, и резиновые сапоги. Сапоги были в грязи по щиколотку.

Рядом, на пассажирском сиденье, лежала лопата. Наша лопата, из кладовки за лавкой, с синей изолентой на черенке. Лезвие было мокрым.

Я ничего не помнил.

То есть — помнил одно. Одно слово, чёткое, как бумажка на стенке.

«Глубже».

Я сидел и смотрел в лес. В свете луны, между деревьями, шагах в тридцати от дороги, было чёрное пятно. Свежая земля. Аккуратный прямоугольник, и сверху набросаны еловые лапы и прошлогодняя хвоя. Хорошо набросаны. Если не знать — не заметишь.

Я знал. Я не помнил, но знал, что это я набросал.

И ещё я знал, что там внутри. Не то чтобы знал. А как будто помнил вес. Тяжесть на плече. Неловкую, мягкую. Я двадцать пять лет таскаю туши и знаю вес любой туши на плече. Свинья — так. Баран — так. Полтуша бычка — так.

А это было не так. Это было сто сорок фунтов. И оно свисало с плеча не так, как свисает туша. Оно свисало, как свисает человек, которого несёшь, когда он напился. Руки вниз. Голова бьёт по спине.

У меня застучали зубы.

Я завёл мотор и поехал назад, не включая фар. Я знал дорогу без фар. Это тоже было странно. Я никогда раньше сюда не ездил. Никогда, насколько я помнил.

В кузове за мной на каждой кочке громыхали пустые крюки.

* * *

В лавку я вернулся в половине шестого. Заехал во двор с чёрного хода. Свет в лавке горел.

Мистер Кесслер стоял в дверях чёрного хода с кружкой кофе. Он никогда не приходит так рано. Никогда. Он приходит в семь, когда я уже разложил витрину.

Он посмотрел на меня. На мои руки. На сапоги. На лопату, которую я держал, потому что не знал, куда её деть.

И улыбнулся.

— Устал ты, малой, — сказал он и хлопнул меня по плечу. Рука у него была тёплая, тяжёлая. — Иди поспи, ёб твою мать. Я сам открою. А лопату дай сюда, я помою.

Он забрал у меня лопату. Не спросил, где я был. Не спросил, почему у меня руки в земле. Не спросил, зачем я брал фургон в четыре утра.

Тогда я спросил сам.

— Мистер Кесслер. Я... я где был?

Он отхлебнул кофе. Посмотрел на меня поверх кружки — добро, как смотрит на меня двадцать пять лет.

— Работал, — сказал он. — Ты всегда работаешь, Томми. Ты у меня самый лучший работник, знаешь? Ни разу не подвёл. — Он помолчал. — Иди поспи. И забудь.

Забудь.

И я пошёл. И лёг. И заснул сразу, как будто меня выключили из розетки.

* * *

Но я не забыл.

В этом и была разница. Раньше — я теперь понимаю, что раньше такое тоже бывало, — я забывал. Просыпался и не помнил ни леса, ни фургона, ни лопаты. Иногда болела спина. Иногда в сапогах были иголки. Я думал — ну, ходил во двор. Может, лунатик. Мистер Кесслер так и говорил: «Ты у нас лунатик, Томми, тебе в цирке выступать».

А в этот раз я проснулся к обеду и помнил всё, что видел утром. Лес. Прямоугольник. Вес на плече. Доброе лицо мистера Кесслера над кружкой.

И слово «забудь».

Я лежал и думал об этом слове. Я медленно думаю, поэтому думал долго. Потому что слово было знакомое. Не как слово. А как голос.

Бумажки на стенке у меня в голове. «Отнеси». «Почисти». «Забудь». Всю жизнь я думал, что это мои мысли. А сейчас я лежал, и повторял их про себя, и слышал, как они звучат.

Они звучали чужим голосом. Низким, хрипловатым, добрым. С лёгкой усмешкой.

Так звучит человек, который привык командовать теми, кто его любит.

Внизу, в лавке, мистер Кесслер рассказывал покупателю анекдот и смеялся. Громко, раскатисто. И сквозь этот смех, сквозь пол, сквозь доски и опилки, прямо у меня в голове, тихо и ласково прозвучало:

«Спи, малой».

И я уснул. Хотя не хотел. Хотя изо всех сил не хотел.

Глава 3. Камера

Морозильная камера у нас старая. Её поставили ещё до мистера Кесслера, когда здесь была мясная старика Грубера. Большая, как комната: восемь шагов в длину, четыре в ширину. Под потолком рельсы с крюками, по ним туши можно толкать, как вагончики. Пол железный, рифлёный, с дыркой стока посередине.

Я знаю её лучше, чем свою комнату. Я захожу туда по десять раз в день. Я знаю, где висит каждая туша и сколько она весит. Мистер Кесслер говорит, что я весы на ножках.

Поэтому я и заметил.

В четверг утром в самом дальнем углу камеры висела туша, которой не было в среду.

Она была замотана в плёнку. Толстую, мутную, в несколько слоёв, как мы заматываем то, что идёт на долгую заморозку. На ней была бирка на проволоке, как на всех. На бирке почерком мистера Кесслера было написано: «СВИН. ОСОБ. НЕ ТРОГАТЬ».

Свинина. Особая. Не трогать.

И я не трогал. Я всегда делаю, что сказано. Но я посмотрел на неё — как весы на ножках. И весы сказали: не то.

Свинья висит не так. У свиньи другие плечи, другая спина. Свинью вешают за задние ноги, и она висит длинной каплей. А эта висела за крюк, продетый под плечо, и была узкая и длинная, и внизу расходилась на два свёртка.

Я постоял. Потом взял лоток с фаршем, за которым пришёл, и вышел.

Не трогать.

* * *

Мистер Кесслер в четверг уехал в Бангор на оптовую базу. Он всегда ездит туда в первый четверг декабря и ночует в мотеле. Сказал, вернётся в пятницу к обеду.

Я закрыл лавку сам. Поднялся к себе. Поел фасоли из банки. Покормил собак во дворе — их три, бездомные, они приходят каждый вечер, и я выношу им обрезки. Рыжий, Хромой и Малая. Я сам их назвал.

В этот вечер они не стали есть.

Они стояли у задней двери лавки, все трое, и смотрели на дверь. Шерсть на загривках стояла дыбом. Малая тихо скулила. Рыжий рычал — очень низко, так, что звук был скорее в земле, чем в воздухе. Я положил обрезки в миски, а они даже не посмотрели.

А потом Хромой поджал хвост и убежал. И двое других за ним.

Я стоял во дворе с пустым ведром и смотрел на дверь. Потом вернулся в лавку.

* * *

В полночь я спустился вниз.

Я не решил это. Я просто лежал, и думал про собак, и думал про тушу в углу, и думал про лес и прямоугольник. И вдруг заметил, что уже стою на лестнице. Бумажки на стенке молчали. Того, кто их пишет, не было в городе. Он был в Бангоре, в мотеле, за сто миль. И в моей голове было так тихо, что звенело.

Я открыл камеру. Включил лампу. Подпереть дверь нечем, поэтому я поставил в щель колоду для рубки — она весит фунтов сто, сама не сдвинется.

И пошёл в угол.

Туши висели по обе стороны, и я шёл между ними, как ходил тысячу раз. Изо рта шёл пар. Лампа в сетке гудела. Было очень тихо, так тихо, как бывает только в холоде.

И в этой тишине туши начали шептать.

Я не знаю, как объяснить. Это были не слова. Это был звук, как будто много людей дышат очень тихо, сквозь зубы, и в этом дыхании иногда попадаются кусочки слов. «...холодно...» «...мама...» «...домой...» «...Томми...»

И вот так, очень тихо: «...Томми, ты же добрый...»

Я остановился перед тушей в углу.

Плёнка была мутной, иней на ней лежал пушистым слоем. А внизу, где плёнка была замотана неаккуратно, из складки торчало что-то тёмное. Я наклонился.

Это были пальцы.

Не свиные копыта. Пальцы. Четыре серых, согнутых, с тёмными ногтями. И выше, на запястье, сквозь плёнку и иней, была видна татуировка. Синяя, старая, расплывшаяся. Якорь. И под ним имя в сердечке: «ДЖУН».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.